

Глава 30

Соперничество между Шэн Синъюанем и Хань Жуйем за место в списке участников закончилось миром.

Однако никто не ожидал, что камнем преткновения станут соревнования по стрельбе. Поскольку Синъюань окончательно отказался от участия, за вторую путевку на турнир должны были побороться Лу Ливэнь и Гу Фэй.

Зная, какая крепкая дружба связывает Ливэня и Гу Фэя, все думали, что они уступят друг другу и разойдутся миром. Но вышло иначе. На этот раз парни не просто не собирались отступить — они сцепились не на жизнь, а на смерть, едва не став злейшими врагами.

Дело приняло крутой оборот. Хмурились все: от командира роты У Тао до рядовых бойцов из их отделений. Ни уговоры, ни угрозы не помогали. В конце концов остался один выход — решить спор на стрельбище, устроив очную дуэль.

Стрельба из положения лежа, с колена, стоя и по движущимся мишеням. Победителя определяли по общей сумме очков.

В день соревнований на стрельбище собралась вся рота. Но вопреки обычному шуму и гаму, над полем повисла мертвая тишина.

Лу Ливэнь держался неестественно спокойно, замерев на своей позиции. Гу Фэй же выбрал самый дальний от него рубеж; лицо его казалось каменной маской, дышащей яростью.

— Что же у них стряслось? — с тревогой в голосе тихо спросил Хань Жуй.

Шэн Синъюань покачал головой:

— Сам ума не приложу.

— Водой не разлить было, — Хань Жуй вздохнул, — а теперь глотки друг другу готовы перегрызть.

Синъюань приобнял его за плечи, пытаясь успокоить:

— Чужая душа — потемки, в их дела мы лезть не можем. Но...

— Что? — Хань Жуй повернулся к нему.

— Мы с тобой никогда до такого не дойдем, — Шэн Синъюань улыбнулся. — Да я скорее сквозь землю провалюсь, чем стану с тобой соперничать.

— Кончай трепаться, мне твои уступки на хрен не сдались.

— Дело ведь не в том, уступлю я или нет, — мягко возразил Синъюань. — Если бы речь шла о дисциплине, в которой я силен, ты бы сам, не задумываясь, уступил мне место. Ведь так?

Хань Жуй молча кивнул.

— Вот и я о том же, — твердо произнес Шэн Синъюань. — Что бы ни случилось, мы не должны ранить друг друга. Даже если кто-то из нас захочет сделать глупость во благо другого, нужно сначала во всем признаться. Начистоту.

Хань Жуй долго молчал, переваривая его слова, и наконец медленно кивнул.

Тем временем на рубеже раздались первые выстрелы — дуэль началась.

После стрельбы лежа Гу Фэй отстал на два очка. Одарив соперника яростным, испепеляющим взглядом, он резко отвернулся и принялся менять магазин.

Лу Ливэнь лишь на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их, на его лице снова застыло абсолютное, ледяное спокойствие.

Но во втором и третьем раундах Гу Фэй сумел собраться. Он не просто сократил разрыв, но и вырвался вперед на целых три очка. Для такого уровня это был солидный задел. Если стрельба по движущимся мишеням пройдет гладко, победа у него в кармане.

Напряжение в толпе зрителей росло. Солдаты возбужденно перешептывались: одни ставили на победу командира третьего отделения, другие напоминали, что помощник командира отделения Лу тоже парень не промах. Пока не прозвучит последний выстрел, исход дела предсказать не решался никто.

Шэн Синъюань молча наблюдал за ними издали. Он видел злую, вызывающую усмешку Гу Фэя и непроницаемую маску на лице Лу Ливэня.

В роте вовсю гадали, какая кошка пробежала между названными братьями. Синъюань помнил, как командир роты орал на Ливэня, стуча кулаком по столу, но так ничего от него и не добился. Помощник командира только казался мягким и покладистым, но если уж упирался рогом — пиши пропало, его упрямство не сломил бы и сам черт.

Жалкие полтора десятка метров, разделявшие их сейчас на рубеже, казались непреодолимой

пропастью. Она похоронила под собой и прежнюю братскую дружбу, и веселый смех. Синъюань засмотрелся на них, невольно вспоминая былые деньки. Когда-то Ливэнь постоянно притаскивал Гу Фэя помогать ему на тренировках. Пока сам Синъюань лежал в траве, кормя комаров, эти двое сидели рядышком, весело подтрунивая друг над другом. В третьей роте каждый знал: крепче дружбы, чем у этих парней, не сыскать во всем полку. И вдруг все рухнуло в один миг. А те немногие, кто знал истинную причину разлада, молчали как рыбы.

Синъюань тихо вздохнул, оставив бесплодные попытки докопаться до правды.

Когда отстрелялись по движущимся мишеням, на табло загорелись результаты. Гу Фэй допустил грубейшую ошибку на последней серии выстрелов. Он не просто растерял всё свое преимущество, но и уступил Лу Ливэню целых четыре очка.

На лице Гу Фэя отразилось глухое, дикое неверие в происходящее. Должно быть, он был слишком уверен в своей победе, или просто его желание выиграть переросло в одержимость. Столкнувшись с крушением надежд, он затрясся от удушливой смеси ярости, обиды и разочарования.

— Теперь ты доволен?! — крикнул Гу Фэй, лицо его исказила уродливая гримаса. Он со всей дури швырнул автомат на землю и, резко развернувшись, пошел прочь.

Лу Ливэнь остался стоять на месте. В его облике не было и намека на триумф победителя — лишь всё то же ровное, пугающее спокойствие и бездонная грусть в глазах.

Гу Фэй уходил все дальше, а Ливэнь неподвижно провожал его взглядом, пока тот не скрылся из виду.

Солдаты на трибунах провожали их растерянными взглядами. Тяжелая, гнетущая атмосфера, повисшая над стрельбищем, мешала кому-либо сделать хоть шаг навстречу проигравшему или победителю.

— Ну всё, кино окончено, победитель ясен! — зычно крикнул У Тао, выходя вперед. — А ну разошлись все! Шагом марш по своим местам, работать!

Бойцы переглянулись и начали нехотя расходиться небольшими группами.

Синъюань и Хань Жуй уходили последними. Сначала Синъюань порывался подойти к Ливэню, чтобы сказать хоть пару ободряющих слов, но, взглянув на его окаменевшую, напряженную спину, вовремя понял: сейчас этому человеку больше всего на свете нужно побыть одному.

После ссоры между Ливэнем и Гу Фэем индивидуальные тренировки Шэн Синъюаня по стрельбе на время прекратились.

Но в этом нашелся свой плюс: теперь у него появилось гораздо больше времени, чтобы помогать Хань Жую. Каждый божий день они добровольно оставались на дополнительные тренировки. В каких бы дисциплинах ни заявлялся Хань Жуй, Синъюань неизменно и без тени сомнения вызвался бегать и заниматься вместе с ним.

— Что, паря Шэн, тоже на соревнования нацелился? — поддразнил их Лао Нью.

Синъюань, только что преодолевший вместе с любимым последний круг, едва переставлял ноги и, шумно лоя ртом воздух, прохрипел в ответ:

— Что вы такое... выдумываете, Лао Нью!

— Зачем тогда так жилы рвешь?

— Я просто... — Синъюань на секунду задумался. — Готовлюсь к отбору на следующий год!

— Ишь ты, какой дальновидный выискался! — старик усмехнулся. — Хотя дело говоришь. Мастерство ведь по капле собирается, изо дня в день. Уж лучше сейчас пот проливать, чем потом, перед самым стартом, хвататься за голову.

Синъюань улыбнулся, забрал у стоявшего рядом старшины чистое полотенце со флягой и протянул их Хань Жую:

— Сильно устал?

Тот прошагал еще около сотни метров, чтобы восстановить дыхание, и только тогда тяжело опустился на траву.

— Уф-ф...

— На, попей.

Хань Жуй взял флягу, сделал пару маленьких глотков, чтобы только смочить пересохшее горло, и вернул ее.

Синъюань перехватил фляжку и, ничуть не смущаясь чужих глаз, припал губами к тому же горлышку, жадно глотая воду.

Лао Нью, которому быстро наскучило торчать рядом с ними без дела, лишь махнул рукой и пошагал своей дорогой.

— Славный у нас тут третий лишний образовался, да? Яркий такой прожектор, — тихонько пошутил Синъюань.

— Да ну тебя! — смутился Хань Жуй, слегка покраснев.

Синъюань оперся ладонями о теплую землю и принялся незаметно перебирать пальцами, пока его рука не оказалась совсем рядом с ладонью Жуя.

Хань Жуй инстинктивно скосил глаза. Шэн Синъюань обезоруживающе, тепло улыбался ему. В следующее мгновение их пальцы осторожно переплелись.

— Кругом же люди ходят, — неловко прошептал Жуй, пытаясь высвободить руку, но не слишком настойчиво.

— Да кому сдались наши руки, — Синъюань накрыл его ладонь своей широкой ладонью. Жар его тела мгновенно передался Хань Жую, заставляя того вспыхнуть еще сильнее.

— Ты отдохнул или как? — процедил сквозь зубы Хань Жуй, натянув на лицо дежурную улыбку для проходивших мимо сослуживцев.

— Не-а, — лениво отозвался Синъюань, откровенно дурачась. Их руки почти полностью скрывала высокая густая трава, так что паника Жуя была совершенно напрасной.

Хань Жуй с мягкой силой выдернул руку и, наградив Синъюаня сердитым взглядом, скомандовал:

— Всё, подъем! Идем.

— Куда теперь? — Синъюань поспешно стер с лица ухмылку, понимая, что еще немного — и Жуй не на шутку разозлится. Он послушно поднялся вслед за ним, отряхивая брюки.

— Пойдем в... — Хань Жуй не успел договорить. Из-за угла казармы выбежал запыхавшийся боец и зычно заорал на весь плац:

— Шэн Синъюань! Синъюань!

Оба замолчали, поджидая бегущего к ним сослуживца.

— Синъюань! — Чжу Юн подлетел к ним, сияя как начищенный таз. — Тебя там у ворот девка ждет! Да какая! Красавица — глаз не оторвать!

— Что? — Шэн Синъюань растерялся, глупо хлопнув глазами.

— Да беги быстрее! Стоит прямо у КПП, переминается!

— Ты уверен, что ко мне? — Синъюань недоверчиво ткнул себя пальцем в грудь.

— Точно к тебе! Сказала, твоя однокурсница! — Чжу Юн нетерпеливо толкнул его в плечо. — Девчонка через полстраны к тебе добиралась, а ты тут столбом стоишь! Давай шевели поршнями!

Синъюань инстинктивно повернул голову и взглянул на Хань Жуя.

Лицо Жуя, еще секунду назад румяное от бега и смущения, в одно мгновение словно подернулось ледяной коркой.

— Никуда я не пойду, — Синъюань упрямо вкопался ногами в землю. — У нас вообще-то пускают только близких родственников. С какой стати я должен бежать к первой встречной?

— Да ты спятил, что ли?! — Чжу Юн чуть не подпрыгнул от возмущения. — Там такая краля стоит, у нас уже вся рота на ушах лежит! У тебя мозги совсем усохли, раз отказываешься?

Синъюань упорно молчал, не сводя встревоженного взгляда с Хань Жуя.

— Чего ты на него вылупился? — недоумевал Чжу Юн. — Быстрее давай! Если сейчас не пойдешь, ребята тебя пинками до КПП погонят!

— Да пусть хоть занасмерть забьют, — раздраженно отмахнулся Синъюань. — Я даже не знаю, кто приехал. Зачем мне время тратить на пустую болтовню?

— Погоди, вроде фамилия у нее Фан, — припомнил Чжу Юн.

При этих словах и Синъюань, и Хань Жуй замерли как вкопанные.

Визит Фан Сюэцзяо мгновенно превратился в событие вселенского масштаба для третьей роты.

Толпа изголодавшихся холостяков, которые за долгие месяцы службы женского пола в глаза не видели, буквально лишилась рассудка. Стоило вестям о прекрасной гостье дойти до казармы, как рота натурально взорвалась.

Парни, которые еще минуту назад едва волочили ноги от изнурительных тренировок, воспряли духом. Каждый второй бросился изобретать благовидный предлог, лишь бы проскользнуть к воротам части и хоть краем глаза взглянуть на заезжую красавицу.

— Ну что там? Рассказывай! — шепотом допытывались те несчастные, которым не удалось вырваться на улицу.

— Сказка! — восторженно цокал языком везунчик. — Вылитая актриса с обложки журнала!

— Черт, ну и повезло же Шэн Синъюаню, — завистливо вздыхал кто-то в углу.

— Да не то слово! К тому же девчонка, видать, сохнет по нему вовсю. Говорят, сначала на самолете летела, а потом еще кучу пересадок сделала, только чтобы его увидеть.

Раздался дружный, завистливый вздох всей казармы.

— Что за базар вы тут устроили? — раздался грозный голос У Тао. Командир роты вошел в помещение, уперев руки в бока. — Ты, ты и вон тот, в углу! Кто вам разрешил к КПП бегать, а?!

— Так мы за ворота и не выходили, товарищ командир роты... — робко попытался оправдаться один из солдат.

— Разговорчики! Всё равно нарушение дисциплины! — отрезал У Тао. — Подумаешь, бабу увидели, слюни сразу распустили, смотреть тошно! А ну, марш на плац — три километра бегом!

— Товарищ командир... — жалобно завывли провинившиеся.

— Еще хоть слово — и побежите пять! — припечатал У Тао. — Я погляжу, у вас дури лишней много накопилось. Вот и пойдете разомнетесь!

Строя кислые мины, провинившиеся поплелись на плац.

У Тао проводил их суровым взглядом, но стоило солдатам скрыться за дверью, как на его лице проступила хитрая усмешка.

— Рядовой Шэн Синъюань по вашему приказанию прибыл! — четко доложил вошедший Синъюань.

— За увольнительной пришел? — У Тао понимающе подмигнул ему. — Ладно уж, раз девчонка проделала такой путь, выпишу тебе отгул на полдня. Иди погуляй.

— Спасибо, товарищ командир роты, но не нужно, — серьезно ответил Синъюань. — Фан Сюэцзяо — не моя невеста и даже не девушка. Я просто выйду к ней, скажу пару слов и сразу вернусь.

Командир роты опешил. Пару секунд он переваривал услышанное, а потом вылупился на солдата как на сумасшедшего:

— Да у тебя что, крыша поехала?! Или башку дверью прищемило?

Синъюань покачал головой:

— Товарищ командир роты, мы с ней правда просто старые знакомые.

— Стал бы обычный знакомый тащиться в такую глушь через полстраны? — искренне недоумевал У Тао.

— Это ее личное решение, — ровным голосом ответил Синъюань. — Ко мне оно отношения не имеет.

— Ну ты и... — У Тао ткнул в него пальцем, не зная, радоваться за парня или крутить пальцем у виска от его упрямства.

— Пожалуйста, подпишите бланк на краткосрочный выход за территорию. Пока не поздно, она еще успеет на вечерний автобус.

— Руки чешутся выпороть тебя ремнем, оболтус, — в сердцах бросил У Тао, но все же с явным разочарованием размашисто черкнул подпись на бумажке.

— Идем, — Синъюань аккуратно сложил увольнительную и повернулся к Хань Жую.

— Зачем это мне с тобой идти? — удивился тот.

— Как это зачем? Вместе пойдем, — не допускающим возражений тоном ответил Синъюань.

Хань Жуй недоуменно вскинул брови:

— Но ведь она приехала к тебе!

Синъюань хитро прищурился, в его глазах заплясали лукавые искры:

— А ты что, спокойно отпустишь меня одного к другой женщине?

В глубине души Хань Жуй действительно места себе не находил от ревности. Но, поставив себя на место этой девушки, понимал: Фан Сюэцзяо преодолела огромный путь явно не для того, чтобы объясняться при свидетелях.

— Пошли. Можешь просто постоять в стороне, — мягко настаивал Синъюань. — Я хочу, чтобы ты все видел сам. Чтобы не переживал.

Хань Жуй промолчал, чувствуя, как внутри разливается тепло. Он и представить не мог, насколько честным и открытым может быть Шэн Синъюань.

В конце концов, спорить с Синъюанем было бесполезно, и Хань Жуй послушно пошел следом.

У КПП полка стояла молодая, хрупкая девушка.

Поначалу Хань Жуй относился к незваной гостье враждебно. И как бы бурно сослуживцы ни расписывали ее неземную красоту, в его душе теплилось невольное пренебрежение.

Но стоило увидеть ее вживую, как все сомнения отпали. Девушка действительно была необычайно хороша собой.

Легкий, едва заметный макияж, простое летнее платье, спокойное, даже слегка надменное выражение лица. Но стоило ей завидеть приближающегося Синъюаня, как ее глаза мгновенно вспыхнули живым блеском, а губы тронула счастливая улыбка.

Одного этого мимолетного взгляда Хань Жую хватило, чтобы понять: эта девушка любит Синъюаня всем сердцем.

В груди противно екнуло, и Хань Жуй неосознанно вцепился пальцами в край гимнастерки Синъюаня так сильно, что костяшки побелели.

— Что с тобой? — почувствовав его движение, Синъюань обернулся.

Хань Жуй качнул головой и отпустил ткань:

— Всё в порядке. Иди.

— Я поговорю с ней и расставлю все точки над «и». Пойдем со мной?

Хань Жуй замер у ворот, не делая шага за территорию части:

— Нет, иди один. Я подожду здесь.

Синъюань долго всматривался в его лицо, словно пытаясь прочесть затаенные мысли, и наконец тихо произнес:

— Я быстро.

Отпустив Синъюаня, Жуй проводил его глазами до самых ворот. Он видел, как тот приблизился к замершей в ожидании Фан Сюэцзяо, а затем отвернулся, заставив себя смотреть в противоположную сторону.

Синъюань еще раз бросил взгляд назад на Хань Жуя, убеждаясь, что тот рядом, и только тогда вежливо улыбнулся гостю:

— Здравствуй.

— Привет, — тихо ответила девушка, заметно нервничая. На службе Шэн Синъюань потемнел от загара и сильно похудел, но военная выправка и сквозившая в каждом движении мужская сила делали его еще более притягательным, чем в студенческие годы.

— Добраться сюда, должно быть, стоило немалых трудов, — мягко произнес он.

— Да нет, ничего страшного, — она попыталась беззаботно улыбнуться, но предательски дрожащие колени выдавали ее крайнее волнение. — А ты... как тебе служба? Привык уже? Тяжело приходится?

— Всё отлично, — лаконично ответил Синъюань. После недавнего напоминания брата Чжиюаня он несколько дней пытался восстановить в памяти образ этой девушки. В его воспоминаниях Фан Сюэцзяо осталась неприступной институтской красавицей, которая отлично училась. Больше о ней он ничего вспомнить не мог.

Встретив его спокойный, обезоруживающий взгляд, Фан Сюэцзяо растерянно потерела пальцы. Шэн Синъюань всегда оставался таким — невозмутимым, далеким и непостижимым. Он никогда не делил людей на первый и второй сорт. Он не превозносил тебя за красоту и выдающийся ум, но и не презирал за заурядность.

За его вежливой улыбкой всегда скрывалась невидимая стена. В нем чувствовалась зрелость, не свойственная сверстникам. И если этот человек сам не желал впускать тебя в свой мир, то любые попытки приблизиться к нему были обречены на провал.

Девушка прикусила губу и тихо призналась:

— Я получила грант на обучение в Академии Н. Улетаю уже на следующей неделе.

— Вот как? — Синъюань тепло улыбнулся. — От всей души поздравляю. Это прекрасная новость.

Академия Н когда-то была и его заветной мечтой, но из-за вмешательства отца все его планы пошли прахом. Тем не менее он искренне радовался за бывшую сокурсницу.

— Дело в том, что я... — Фан Сюэцзяо подняла глаза, всматриваясь в его безучастное лицо, и вдруг поняла, как тяжело даются ей эти слова. — Я подала документы туда только потому, что ты собирался там учиться...

Синъюань растерялся. Неужели это было завуалированное признание в любви? Глядя на бледное лицо девушки, которая отчаянно пыталась сохранить достоинство, несмотря на бьющую ее крупную дрожь, он мысленно вздохнул.

— Сюэцзяо, выбирая свой жизненный путь, нужно думать только о собственных интересах. Не стоит принимать такие решения под влиянием других людей.

— Ты действительно ничего не понимаешь? — с горьким упреком в голосе спросила она.

Синъюань мягко улыбнулся и покачал головой:

— Нет, я всё понимаю. Но у нас ничего не выйдет.

— Почему? Скажи мне только слово, и я никуда не полечу! Я останусь!

— Я же сказал: твои решения должны принадлежать только тебе, — спокойно возразил Синъюань. — Академия Н — ведущий мировой вуз. Уверен, там ты получишь блестящее образование, которое откроет перед тобой любые двери.

— Да плевать мне на это образование! — выкрикнула она, словно бросаясь в омут с головой. — Я сделала это ради тебя! Если бы ты только позволил... я бы стала твоими глазами и ушами там, за границей! Я бы выучила всё, чего тебя лишили, ради нашего общего будущего!

Синъюань опешил от ее яростного напора. Он невольно обернулся и посмотрел в сторону ворот части, где стоял Хань Жуй.

Хань Жуй замер, лицо его казалось каменным. Мало кому понравится наблюдать, как

посторонняя женщина заявляет о готовности пожертвовать жизнью ради твоего любимого человека.

— Спасибо тебе за эти слова, — негромко сказал Синъюань, возвращая взгляд к девушке. — Но мне очень жаль.

Фан Сюэцзяо не ожидала столь холодного и стремительного отказа. Она замерла, широко распахнув глаза.

— Прости, если мои слова покажутся тебе резкими, — мягко добавил он. — Но у меня уже есть человек, которого я люблю больше жизни.

— Вот... вот как? — Вся краска мгновенно сошла с ее лица, оставив его мертвенно-бледным. Голос ее сорвался на шепот: — Твои родители сказали, что у тебя никого нет... поэтому я и решилась... Прости меня... Бога ради, прости...

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Синъюань.

— Да, конечно... всё хорошо, — она выдавила из себя вымученный, жалкий смешок.

Синъюань молчал, не зная, какие подобрать слова. Жалеть ее? Извиняться? Перед этой гордой девушкой, из последних сил пытавшейся сохранить лицо, утешения прозвучали бы как издевка.

Прошло несколько мучительных минут, прежде чем Фан Сюэцзяо справилась с подступившими слезами. Сделав глубокий вдох, она тихо произнесла:

— Прости, что ворвалась без предупреждения и доставила тебе хлопот. За все четыре года в университете ты ни разу никого к себе не подпустил. Вокруг тебя не было ни одной девушки... Вот я и подумала, что у меня есть шанс.

Синъюань смотрел на нее со смесью вины и сострадания.

— Не нужно смотреть на меня так, — Сюэцзяо попыталась улыбнуться, хотя ее губы дрожали. — Это были лишь мои несбыточные мечты. Если любишь кого-то молча, это так и останется твоей тайной. Но я... мне просто хотелось... — она сглотнула подступивший к горлу ком и продолжила: — Перед отъездом мне до безумия хотелось верить в чудо. Наверное, я подсознательно понимала, что только признание поможет мне наконец освободиться от этих чувств.

— Спасибо тебе, — тихо отозвался Синъюань.

— Это мне стоит благодарить тебя, — сквозь слезы улыбнулась она. — Спасибо за то, что подарил мне это щмящее чувство первой безответной любви. И спасибо, что отказал сразу, без жалости и недомолвок.

— Прости меня.

— Не извиняйся. Четыре года я носила это в себе. Зато теперь я смогу со спокойным сердцем все забыть.

Они молча смотрели друг на друга. Синъюань чувствовал лишь глубокую, искреннюю грусть от того, что ранил ее.

— Можно мне... обнять тебя на прощание? — как можно непринужденнее спросила она.

Синъюань непроизвольно оглянулся назад. Хань Жуй по-прежнему стоял в тени раскидистого дерева у ворот, его лицо оставалось скрыто полумраком.

Не успел Синъюань кивнуть, как Сюэцзяо прижалась к нему. Он на секунду замер, растерянно разведя руки в стороны, а затем бережно приобнял ее за плечи, сочувственно похлопав по спине.

Объятие длилось всего мгновение, но Синъюаню оно показалось вечностью. Он был бесконечно признателен этой девушке за ее чистые чувства, но мысли его сейчас занимал лишь тот, кто ждал за воротами КПП.

С такого расстояния Хань Жуй не мог расслышать ни единого слова, но этот жест...

— Спасибо тебе за всё, — прошептала Сюэцзяо, отстраняясь. На ее ресницах все еще блестели слезы, но улыбка уже была искренней.

— Счастливого пути.

Девушка в последний раз заглянула ему в глаза, затем резко развернулась и, не оборачиваясь, крикнула:

— Прощай, Шэн Синъюань!

Она быстро зашагала по дороге, ведущей прочь от части.

Синъюань долго стоял у дороги, провожая взглядом ее удаляющуюся хрупкую фигуру, и неожиданно поймал себя на чувстве искреннего уважения к ее смелости.

<http://bllate.org/book/18240/1765410>